

Сергей АХМЕТОВ

Сергей Ахметов родился в Алматы. Учился в Казахском институте менеджмента, экономики и прогнозирования, в Казахском национальном университете им. аль-Фараби. Вошел в шорт-лист литературной премии Qalamdas, посвященной памяти Ольги Марковой, в номинации «Детская литература». Публиковался в журналах и альманахах «Дактиль», «Мысль» (Казахстан), «Сибирские огни», «Автограф», «Царицын», «День и ночь», «Начало века», «Нижний Новгород» (Россия), «Unzensiert» (Германия), в сборнике «Карта памяти: современная историческая литература».

СРОЧНИКИ

Повесть

Долгое время я, сын степей, не мог привыкнуть к здешней природе. Хотя и у нас встречаются густые леса, где деревья выстроены как солдаты на плацу – один к одному, стройные и подтянутые, но здесь не так. Здесь такие загогулины, такие кудрявые кустарники, жирные мхи и разнотравье, что сразу представляешь избушку за столетним дубом, в которой живет вредная старушка с бородавкой на носу.

Старший сержант Байсеитов меня удивлял. Он не был охотником или грибником, как некоторые местные ребята. В детстве он помогал пасти овец в степях под Джамбулом и научился слышать природу. Глаза его могли различить колонию сурков, а нос чуял влагу речушки на много сотен метров вперед. Конечно, эти рассказы казались нам байками, хвастовством, пока умения Байсеитова не проявились в здешних лесах и не были замечены командиром. Оказалось, что он может ориентироваться в лесах и болотах не хуже, чем в своей засушливой южной степи. И вообще, Байсеитов оказался едва ли не первым из нас, кто вспомнил старинную поговорку и внял ей: «Кімнің жерің жерлесең, соның суын сула». Её можно перевести примерно так: на чьей земле поселишься, того и воду пей.

Теперь мы шагаем за Байсеитовым через болото, боясь намочить шаровары, и тычем палками перед собой. Вокруг столько звуков, что, кажется, тишины не существует. Передо мной переваливается гомельчанин Саня Мельник. Как знаток Полесья, он мог бы рассказать, что это щелканье глухарей, щебетание тетеревов или кваканье остромордой лягушки. Он настоящий человек леса, хотя и не охотник, и не разведчик. Да только теперь не до разговоров. Шагаем молча, сосредоточенно, от нас слышно только хлюпанье сапог. По плесканию болотной влаги, по шлепкам наших подошв о топкую глину нас могут обнаружить, взять на прицел, и тогда наша вылазка закончится...

Сквозь туман, плотный и неприятный, вижу Байсеитова. Он как будто уже успел разведать местность и сидит спокойно на корточках, окруженный зарослями. Значит, конец болоту. Оно оказалось неглубоким и, главное, небольшим, а иначе могли застрять в нем до самого утра. Солдаты один за другим выходят из болотца, а он пересчитывает их и рассказывает вокруг себя, не за-

бывая стучать по головам, чтобы пригнулись. Мельнику, мне и замыкающему Адаму Сулимову таких напоминаний не требуется.

– Дзсятый, – выдохнул Адам.

Вообще он говорит по-русски чисто, без акцента. Он сын учителя школы в горном селе Итум-Кале в Чечено-Ингушской республике. В юности его отец был помощником муллы и с установлением советской власти остался самым грамотным человеком в той местности. Благодаря строгости своего мудрого отца Адам выучился грамоте, умел читать и писать на русском и арабском. И только во время какого-то напряжения речь его искажалась и проявлялся такой особенный, мягкий и немного певучий говор. Мы заняли позицию на маленьком приболотном бережку, посреди зарослей. Мы с Адамом улеглись по сторонам, Саня с Байсеитовым оказались впереди, возле кустов, а шестеро молодых бойцов оказались в середине. Строго говоря, бойцы эти не были молодыми, кое-кто даже мог считаться великовозрастным для срочников. Они прибыли к нам в гарнизон в феврале из мобилизованных. Всю весну проходили курс молодого бойца, приняли присягу и были готовы к несению службы, но мы, старослужащие, всё равно присматривали за ними. Байсеитов обошел ближайšie заросли. Возле одного кустика он задержался, потом вдруг поднялся в полный рост и побежал обратно, на наш бережок, укрытый прядями плакучей ивы. Мы напряглись, Адам и Саня вскинули винтовки, плотно прижали прикладами к плечам. Молодые оробели, стали зажимать винтовки в ладонях. Но тут Байсеитов остановился, огляделся и снова вернулся к тому кусту.

– Проверяет, – объясняю бойцам.

Сулимов с Мельником тоже расслабились, повернулись к нам, сложили винтовки на колени. Вижу, что бойцы ничего не понимают, переглядываются.

– Если бы в тех зарослях засел враг, то Байсеитова уже всё, – большим пальцем провожу по шее, – А мы бы узнали расположение огневых точек снайперов или кукушек. Ясно?

Они закивали, а один даже цокнул, подивившись не то смекалке, не то мужеству Байсеитова. Старший сержант, как шайтан, выпрыгнул к нам из тени через береговые кустики. Мельник в это время достал папиросу, сунул в рот и стал щупать нагрудные карманы гимнастерки в поисках спичек.

– Я те закурю! – прошипел Байсеитов.

– А чего? – удивился Мельник тоже шепотом, но так, чтобы слышали остальные. – Дуже закурить охота.

– Отставить, я сказал! Ты что, есалан, я тебя!.. – Байсеитов потянулся к Мельнику.

Тот стал отползать задом наперед, медленно, не отводя глаз от Байсеитова.

– Так бо комары заедят, товариш помощнык командзыра... Яны у болотах вельми лютые бывающ... – и полз дальше.

– А ну иди сюда, ты, ты... – шипел Байсеитов, не в силах подобрать хорошего ругательства так, чтобы и Мельник его понял. Предыдущее, «есалан» – «недоумок», разобрал только я.

Саня уперся спиной в куст жимолости.

– Стой, командзыр. Я усе зразумеу, – сдался Мельник, рывком провел папироской под носом и упрятал в карман. Руки он на всякий случай выставил вперед.

– Уй, ос-сел, ищак! – наконец подобрал ругательства Байсеитов.

Пятеро новоприбывших смотрели на происходящее с нескрываемым ужасом в глазах. Мы с Адамом хоть и посмеивались про себя, но тоже немало опасались обозленного Байсеитова. А ещё больше переживали, как

бы эти шушуканья не услышали. Учить молодых бойцов, передавать им опыт, подбодрить шуткой – это, конечно, хорошо. Но уместно ли это теперь, в разведке, в темном глухом лесу, где каждый кустик, каждое дерево может скрывать за собой сталь пулемета...

Ярость Байсеитова можно было понять.

– Не говорить, не курить, ...! – тут он выругался совсем непристойно. – Сдохнуть охота? Дым учуют – башка оторвут! Враг не заметит, я замечу – сам оторву!

Он обвел всех враждебным взглядом, как камчой стегнул, и нашел на ком задержать его. Это был молодой солдат, который успел снять сапог, чтобы ощупать портянку – не замочил ли. Но не успел натянуть его обратно.

– Ай-яй! Промок, бедный? – спросил Байсеитов и потом прибавил строгости в голос: – Ты оружие смотри, а не портянку. Не намочил? Высоко поднимал?

Красноармеец стал быстро-быстро, с особым тщанием и напоказ проверять винтовку. Остальные последовали его примеру, как будто не для себя старались, а для Байсеитова.

– Ладно, – махнул Байсеитов и внезапно перешел на деловой тон, так что акцент неожиданно пропал: – Всем привести себя в порядок. Сапоги надеть, ремни подтянуть, снаряжение поправить. Винтовки привести в готовность.

– Так точно, товарищ стар!..

Адам, сидевший ближе всех к пареньку, который боялся намочить портянки, успел прикрыть ему рот своей крупной ладонью. Потом приложил палец к сомкнутым губам: «Тш-ш-шшш...» От Адама исходила такая сила, что казалось, будто он уже сотни раз ходил в разведку, видел десятки бойцов, которые хотели закурить и получали от командира по шее, и главное, было ощущение, что никакой враг ему не страшен – он знал их, сражался с ними, убивал их. Это хладнокровие передавалось и бойцам.

– Слушай боевое задание, боец. Давай-ка, заныривай обратно в болотце и иди обратно. Товарищу лейтенанту доложи, что берег заняли, пусть переправляются. А ты, Сашка, остаешься за старшего для прикрытия переправы. Мукаш, Адам – со мной. Разведаем немножко вглубь леса. Заканчивается же он где-то...

– Эх, шо за чаловек, покурыт не дау, а сам тикает, – ответил Саша, удобно улегшись и не менее удобно уложив винтовку между кустиков по направлению к лесу.

Боец хотел тяжело вздохнуть, но, глянув на щелочки глаз Байсеитова, передумал, не решился выразить свою усталость. Он вновь погрузил ноги в болото и захлюпал на другой берег.

Мы с Адамом последовали за Байсеитовым в темноту леса. Двигались короткими перебежками, от зарослей к зарослям, полностью доверяя слуху Байсеитова. Тяжко было. У всех полное снаряжение, тяжелые ранцы за спинами, противогазные сумки, скатки шинелей и плащ-палаток. Всё в полной боевой готовности: штыки болтаются в чехлах рядом с гранатными и патронными сумками, с другой стороны фляги и лопатки, тоже очехленные. Каждый миг мы ожидали встретить неприятеля. Каждый кустик, каждое дерево с густыми ветвями могло таить в себе смертельную опасность. Каждый звук заставлял шею поворачиваться, с усилием вглядываться в темноту, а сердца биться чаще в ожидании внезапного нападения. Мы осторожно тормозили заросли, как если бы вражеский дозорный мог нас прохлопать и уснуть. Но так было спокойней. Мы старались как можно меньше нарушать звуки леса: шелест листьев, стрекотание сверчков, переключки ночных птиц. Возле каждой новой

позиции оглядывались вокруг, вслушивались, просматривали ближайшие кроны деревьев. Возле одного необъятного дуба Байсеитов остановил нас. Он жестами велел нам присесть, молчать и глядеть по сторонам. Пальцами показал, что сам пойдет вперед. Когда он вернулся, то сообщил, что там хата.

– Враг? – спросил я.

– Сколько? – задал более насущный вопрос Адам.

– Чуете? Костер. Ужин готовят, – вместо ответа констатировал Байсеитов и потер заурчавший живот. – На улице двое. А в хатке – Аллах знает. Свет не горит. Может, спят.

– Надо брать языка, – сказал Адам утвердительно.

– А если вокруг дозоры? – меня не прельщало самому попасть в плен.

– Тогда мы бы здесь не стояли. Или, думаешь, они выставили дозоры по периметру, а про это направление позабыли? – в Байсеитове уже заиграла кровь. Я пожал плечами. – Ну, рискнем?

– Командуй! – ответил Адам за нас двоих и, добавив что-то на своем, сплюнул.

– Макул¹. Сделаем так. Мукаш, сейчас метров пятьдесят идешь вперед. Ориентир – во-он тот дуб, как шарик, видишь? Оттуда хатка проглядывается. Потом заворачивай вправо и еще пятьдесят метров. Займи позицию, хату возьми под прицел. Мы с Адамом пойдем прямо, попробуем обезвредить этих двоих, что жрать собрались. Если услышишь шум борьбы, крики, поймешь, что у нас не получилось. Тогда пальни в воздух и кричи, что дом окружен, пусть сдаются. Если их много окажется – попробуем утечь в лес.

Адам в знак согласия сжал кулак и взмахнул им, как кувалдой. Я кивнул и пошел исполнять.

Удобную позицию я нашел с другой стороны домика. Окна не горели, и я стал подбираться ближе, чтобы мой выстрел и крик услышали. Слова Байсеитова по поводу ночных дозорных звучали убедительно. Домик стоял на опушке, прикрытый лесом только с двух сторон, посреди молодняка, а дальше лежали поля. Не выставить дозоры именно с нашей стороны, с самой опасной, лесной стороны было бы, конечно, глупостью. Поэтому Байсеитов и предположил, что они вовсе не выставляли дозоров.

Вдруг что-то зашуршало, хрустнуло, я упал на живот там же, где стоял, и пополз к ближайшему кусту. Вслушался снова, пытаюсь разобраться, с какой стороны идёт звук. Нет, наваждение какое-то. Шум леса, не более того. Прошло ещё немного времени, и опять какой-то хруст. Так. Может быть, это какая дичь? Или всё-таки Байсеитов ошибся, и мы проморгали вражеский дозор? По спине пробежали мурашки. Шаги приближались. Я сильнее вжался в землю, прихватил винтовку, прицелился в темноту. Ну, дела! Языка решили взять, а тут меня самого зацапают. Ловлю себя на мысли, что мерзкий, липкий страх обволакивает кожу. Голоса. Надо собраться. Решено. Нечего трястись. Одернуть, взять на прицел, задержать. Мой палец прилип к курку, из горла уже рвалась строгая команда. И тут наконец я в темноте различил силуэты. Это были гражданские. Несколько человек. Я уже различал их лица, и одного даже вроде узнал. Это был Миша. Миша Самарин, который дезертировал из части почти год назад. Но это невозможно! Я не знал, что делать. Задержать? А вдруг это всё-таки не он? И что тогда, крикну, остановлю, погрожу винтовкой и сорву нашу операцию?

¹ Выражение согласия (каз.).

Операция! Ведь от меня требовалось прикрытие. И поддержка, в случае сопротивления! Я беззвучно выругался и стал отползать. Потом совершил перебежку и занял позицию. На фоне дома показалась фигурка. Это был Байсеитов, он широко расставил руки и замахал в мою сторону.

– Ты что, уснул? Всё, взяли языков, – улыбнулся он, когда я подбежал к нему. – Больше никого нет... Э-э, жерлесім!¹ Ты что, шайтана увидел?

– Нет.. Слушай, Токсан, кажется, там гражданские в лесу.

– Гражданские? Охотники, что ли? – Байсеитов вовсе не удивился.

– Не знаю, может, и охотники...

– А что ты так испугался-то? Тут деревня, там деревня. Далековато, конечно, но кто их знает...

И правда, чего я так испугался? Ещё задержать хотел...

– Слушай, Тока... А может, это немцы?

Лицо Байсеитова сделалось серьезным. Он оглянулся вправо, влево, а потом схватил меня за плечо.

– Ты это брось! Еще комсомолец называется! Конечно, хабар разный ходит... Но зачем его повторять, ты что, эхо? Или дурак, жерлесім? Где немцы, а где мы. И не вздумай выложить свои догадки лейтенанту, ещё запишут в провокаторы. Или ты немецкую речь слышал? Форму различил? Немца с местным мужиком перепутал?

– Нет, нет, ты что, Тока... Я... Просто там... А ну к черту. Устал я. Показалось, видимо.

– То-то же. Ну, хочешь, пойдём, вместе проверим?

– Да нет, Тока, забудь. Я теперь только понял, что никакой немецкой речи не слышал. Это всё разговорчики про немцев, про войну...

– Ты поменьше слушай разговорчиков. Давай-ка ты дуй обратно, доложи Васильеву, что языков мы взяли, хату, считай, заняли. Или тебя чаем напоить, баурсаками накормить сначала?

– Жоғалшы, көзіме көрінбе!² – разозлился я и расхотел говорить Байсеитову о призраке дезертира Миши.

– Давай, давай. Быстрее. А то стоим тут, травку щипаем, как бараны. Адам сейчас всю кашу уплетёт, а я тут с тобой.

Я воротился и подал опознавательный сигнал. К нашим уже подтянулись другие бойцы взвода и, замаскировавшись, заняли позицию вдоль всего берега. Спросил у Мельника, где найти командира, он махнул рукой дальше по берегу. Уходя, я поймал на себе тоскливый взгляд бойцов нашего отделения. То и понятно. Ни костерка собрать, ни папироски закурить, ни даже переговориваться нельзя. Наверное, всем хотелось оказаться в другом месте, в своих родных домах, в теплой казарме или, на худой конец, в лагерьной палатке. Я пробирался среди красноармейцев, пока не увидел приплюснутую, плоскую голову командира в фуражке.

Лейтенант Васильев хоть и служил здесь недавно, но пользовался авторитетом у бойцов. Наравне с красноармейцами он сдавал нормы ГТО, отлично стрелял по мишеням, да и вообще всегда выглядел опрятно, подтянуто и даже франтовато. Я не раз слышал, как старшие командиры и старослужащие говорили, что за таким солдаты непременно поднимутся в бой, а это самое главное качество младшего командира.

Васильев достал из кожаной сумки карту, приказал показать местоположение дома.

¹ Земляк (каз.).

² Исчезни, чтоб я тебя не видел! (каз.)

– Здесь примерно, – сориентировался я и ткнул в карту.

Тот удовлетворённо кивнул:

– Веди!

На берегу осталось одно отделение, остальные пошли за мной. Добравшись до домика, Васильев велел выставить дозоры по периметру, а сам со мной и еще несколькими бойцами пошел к хижине. Там на крыльце сидел Адам Сулимов и начищал тряпичей свою драгунку. Неподалеку, под наблюдением Байсеитова, со связанными за спинами руками и заткнутыми ртами понуро сидели такие же, как мы, красноармейцы. Видно было, что с ними успели поработать.

– Хорошо расположились, – лейтенант снял фуражку, вытер рукавом пот со лба и снова водрузил её на голову. Байсеитов стоял уже рядом, навтыяжку.

– Товарищ лейтенант, разрешите доложить!

– Вольно.

Я уловил от Байсеитова запах каши. Переваривает, сволочь! – заурчал мой голодный живот.

– Эка вы, товарищи красноармейцы... Грубовато сработали... – сказал Васильев и хотел было вынуть кляп изо рта первого пленного.

Байсеитов снова вытянулся и зачистил:

– Товарищ лейтенант, языков мы допросили! Это полевой караул неприятеля. В лесу, вот здесь, – тут он достал из своей сумки блокнот, где были записаны координаты и довольно умело нарисована карта местности, – с полторы версты к юго-западу враг переправился через реку силами одного полка с артиллерией. Вот здесь, возле озера, товарищ лейтенант. Поставленная перед отделением задача выполнена!

Байсеитов вытянулся так, что живот его как будто булькнул. Рядом уже стоял Сулимов и тоже отдал честь, но только без улыбки и не так заискивающе. Лейтенант Васильев только хмыкнул, махнул на них рукой и всё-таки вынул кляп у «пленных». Освобожденные взвыли.

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! Эти сволочи!.. Товарищ лейтенант... Зачем связали?! Мы что, немцы или жолнеры какие? А?

– Ух ты, небритая морда! Выскочил из темноты как леший! Зачем бил? – кричал пленный на Адама.

– Я тебя бил? Так, ребра погладил, – в голосе Адама проявился его горский говор, а когда он бочком штыка почесал шею, то и вовсе стал походить на головореза, а не на отличника боевой подготовки.

– Я с тобой поквитаюсь! Нос тебе откушу!

– На, кусай... – Адам клюнул воздух перед собой, и в темноте блеснул его игривый оскал.

– А ну, прекратить! – рявкнул Васильев. – Развязать «языков»! – махнул он одному из бойцов.

Как только им развязали руки, они кинулись в сторону Сулимова и Байсеитова.

– Смир-рно! – Васильев был начеку. – Разговоры прекратить! Слушай мою команду! Ночные занятия объявляю законченными, – он попросил принести табуретку и велел разжечь костерок.

Полминуты – и рядом с ним горело пламя, он достал тетрадку и приготовился сделать записи.

– Как обнаружили объект?

– Я... – отрапортовал Байсеитов. – Дымком понесло: учуял...

– Дымком? – удивился лейтенант и уставился на «языков».

– Дык ведь это... товарищ лейтенант... весь день не жрамши... – стали оправдываться те.

Бойцы из новоприбывших хихикнули.

– Отставить! – буркнул Васильев, впрочем, без злобы. – Горяченького захотелось, значит. И как, покушали?

– Поку-ушали, – ответил за пленных довольный Байсеитов.

– Ладно. Байсеитов! Как производили захват? Почему не отправили на берег за подкреплением?

– Нужды не было, товарищ лейтенант. Наблюдали за домом. В окнах движения не заметили, эти двое сидели у костра. Красноармейцу Нургалиеву приказал взять дом под обстрел и, если что, кричать, что они окружены и палить холостым. Мы с красноармейцем Сулимовым подползли по-пластунски и осуществили захват. А это так, – он подбородком указал на тряпицы, которыми был связан караул «неприятеля», – чтоб не оказали сопротивления.

Лейтенант посмотрел на «пленных» и не встретил ответного взгляда. Отворачивались.

– Сержант Байсеитов! Поставленную задачу по разведке леса считаю выполненной хорошо. Снимаю балл за то, что не выставили дозоры. За проявленную инициативу и боевые навыки при захвате «языков» сержанту Байсеитову, красноармейцам Сулимову и Нургалиеву объявляю благодарность! Байсеитов, давай сюда свои записи по отделению. Завтра, сразу после политзанятий – подробный разбор.

– Служим трудовому народу!

– Всем разойтись!

– Товарищ лейтенант, – обратился Байсеитов.

– Что вам, товарищ Девяностый?

Байсеитова звали Токсан, и все в взводе знали, что по-казахски это значит девяносто. Еще в начале службы он рассказывал, что его назвали так потому, что в год его рождения его деду, аксакалу и авторитетному бию, исполнилось девяносто лет.

– Сегодня в поле ночуем? Может, здесь расположимся?

– Нет. Сыро. Давай в лагерь, и отбой. Командуй, Байсеитов. А ты, Мукаш, погоди маленько.

Бойцы отдали честь и бодро зашагали за Байсеитовым. Теперь предстоял ускоренный марш, долгожданный ужин и сон, крепкий солдатский сон.

– Ну как? До завтра успеете подготовить очерк? – спросил меня Васильев, перейдя на «вы», когда мы остались одни.

Мы затушили костер и тихим шагом двинулись в сторону лагеря.

– Успеть-то успею, товарищ лейтенант... Да только нужно ли? Всё равно не напечатают...

– Отставить сомнения. У вас, Мукаш, хорошо получается. И старший политрук хвалил.

– Да это так, баловство, товарищ лейтенант. Куда мне в дивизионную газету!

– Слушайте, Нургалиев. Вы ведь сейчас о себе думаете. Да-да, о себе, не притворяйтесь. Вы думаете: здесь по-русски многие лучше знают, а мой уровень – преподаватель сельской школы. А тут дивизионная газета! Ударю в грязь лицом, опозорюсь, засмеют в редакции, да и фамилия у меня на русский манер звучит громоздко. Так вы думаете? – Васильев вроде как спросил, но, видимо, по моему лицу понял, что попал в самую точку, и добавил уже утвердительно: – Так вы и думаете.

– Товарищ лейтенант, ну куда мне в военкоры дивизии, да и демобилизуют уже через полгода, – промямлил я и тут же пожалел об этом.

– Демобилизуют! А вам бы в школу младшего комсостава, Нургалиев, а не на демобилизацию. Ну, ладно, ладно, вижу, не хотите. Соскучились по своим степям, по горам. Вижу, знаю. Сам женат и сын у меня. Еще не получил разрешение на перевод семьи в крепость. Так что я вас понимаю. И не имею права заставлять. Не хотите на курсы – не надо. А вот очерк напишите. Да так напишите, чтобы крепко, по-горьковски! Я вам по секрету скажу, Нургалиев, редактор дивизионной газеты – давнишний приятель нашего ротного политрука. Уж он ваш материал продвинет!

– Не надо продвигать, товарищ лейтенант! – взмолился я. – Ни к чему это. Ведь если продвигать – то что получается? Это каждый дуралей сможет опубликоваться, так, что ли? У того приятель, у этого сын, брат, сват. Не надо этого. Если уж печататься, то самостоятельно, своими силами.

– Вот! Это другое дело, Нургалиев. Сам так сам. Еще крепче, значит, напишете.

Мне оставалось только вздохнуть. Что тут скажешь, ведь я обещал написать очерк еще перед учениями. Такая стояла передо мной особая задача – всё высматривать, всё запоминать, делать заметки.

– Вы не о себе подумайте, а о нашей роте, о товарищах. Вот вам расклад, считайте: на гауптвахте у нас сколько человек сидело за нарушение воинской дисциплины? Трое. А в других ротах – ни одного штрафника за май. Это вам – раз. Двоечников по первой теме краткого курса истории ВКПБ – больше всех в полку! У нас только один коммунист и один кандидат в члены партии! Хорошо еще Байсеитов – активист, я за него возьмусь, он у меня в дивизионную партийную школу отправится. Это я вам, Нургалиев, словами политрука говорю, усекаете?

– Усекаю. Товарищ политрук это нам еженедельно вдалбливает.

– То-то и оно. По боевой-то подготовке наша рота – лучшая в батальоне. Да чего там, пока вы не демобилизовались – во всем полку! А там и новоприбывшие подтянутся за вами. А по политической, получается, просадка. Вот я вам и толкую, пишете, пишете! А мы уж всеми средствами – донесем до дивизионной редакции. Поверьте, я бы такую ответственность на себя не брал, если бы вы писали не на уровне. Это ясно?

– Ясно, товарищ лейтенант.

– То-то. О товарищах надо думать, Нургалиев, о боевом коллективе, так сказать. Да и глядите сами. Напечатают ваш материал, с фамилией, а то и с фотографией! Ну? Родным отправите вырезку, к письму приложите. Пусть знают, как мы все здесь служим в Рабоче-крестьянской Красной армии! У нас здесь и политическая подготовка, и повышение грамотности, и тактические маневры. Ну, красота! А то глядишь, и дивизионным военкором заделаетесь от нашей-то роты. А? Ну, ладно, ладно. У вас ведь только демобилизация на уме. А еще полгода отслужить надо!

Ай да Васильев! На всех струнках отыграл, и теперь я обязан выдать ему мелодию. Вон как мысли мои направил! Что говорить, опубликоваться в дивизионной газете, да еще и отправить вырезку домой в Алма-Ату, жене, – от таких мыслей тепло в груди. А ведь хабар¹ пойдет дальше – в аул, к отцу, маме. При всех будут читать, всех соседей позовут. Да я тебе такой очерк напишу, политрук тебя, как невесту, на руках унесет и чаем будет поить с конфетами, как тещу!

Пока мы шли вдвоем, я решил сказать ему о виденном в лесу.

¹ Весть (каз.).

– Товарищ лейтенант, тут это... я гражданских в лесу заметил. Никому доложить не успел ...

– Так. И что сделали?

– Пропустил, товарищ лейтенант, боялся нашуметь. Байсеитов с Сулимовым собирались брать «языков». Не хотел срывать задачу.

– Ну и правильно сделали, – покачал головой Васильев. – Вот зараза! А если бы стрельбы проводили! Опасная нам выпала задача, Нургалиев.

У меня отлегло от души. Про то, что в темноте мне привиделось лицо Миши, я промолчал. Васильев продолжал рассуждать.

– Надо доложить об этом старшему лейтенанту Zubovu. Пускай в следующий раз лучше проверяют зону учебных занятий или предупреждают местных. Эка! Хорошо, что наши занятия проходили возле Лесной, подальше от границы. А не то, глядишь, подумали бы, что немцы реку перешли. Ха-ха! А мы тут их встречаем – здрасьте. С холостыми. Да... Пограничники бы нас на смех подняли.

Смех получился вымученным, но поддержать командира было надо. Он и сам понял, что пошутил неудачно. Оставшийся путь мы проделали молча.

* * *

Этой ночью мне приснился наш алма-атинский эшелон. Я проснулся. Было еще темно. Я ощущал какое-то тягостное, непонятное чувство тревоги, как будто приснился кошмар. А ведь ехали мы хорошо.

Повестка пришла в начале октября, в самом разгаре моего первого учебного семестра в университете. Что поделать, сообщил родным, в назначенное время прибыл в Сталинский райвоенкомат. Здесь я и познакомился с Токсаном Байсеитовым, студентом сельхозтехникума, членом ВЛКСМ, мечтавшим когда-нибудь вернуться в родной аул коммунистом.

Ярко запомнились проводы в Алма-Ате и остановки на станциях, откуда забирали призывников со всей республики. В Алма-Ате всё было торжественно, с цветами, даже с оркестром от университетов и трудовых коллективов. На дальнейших станциях всё обстояло более трогательно: целыми семьями собирались провожать своих парней, старушки плакали, старики с хмурыми лицами давали бата – благословение.

А что это был за эшелон! Мы не смотрели на неудобства, на солому вместо постелей, на тесноту. Из Алма-Аты ехали ребята почти сплошь с образованием. Нас потом прозвали грамотными. Самый «отстающий» в каком-то смысле был парень, окончивший десять классов, за ним так и закрепилось прозвище Десятиклассник. Конечно, всем нам было известно, насколько плохо обстояли дела с грамотностью населения не только в нашей республике, но и по всей стране. Так что человек с десятью классами считался не только грамотным, но и образованным. И всё же были среди нас студенты старших курсов и даже двое окончивших техникум и институт – уже квалифицированные специалисты, лет под тридцать. Этих сразу прозвали аксакалами.

Теплушка наша пополнилась на станциях, а мы стали считаться старожилками эшелона. Подсаживали к нам ребят из сельской местности, из колхозов и совхозов. Наши мешки с запасами уже поиссякли, а у этих ребят котомки под завязку. Так что ехали мы сытно, особенно в первые дни, когда уплетали быстро портящееся вареное мясо и сорпу, перелитую в водочные бутылки. В пути, как водится, вели разговоры. Про учебу, про девушек, про урожай этого года, и даже про скот и про дойку. В теплушке был настоящий интернационал. Говорили на казахском, русском, узбекском, украинском языках, смешивали слова, расспрашивали друг друга, дружили и ссорились, пели песни, читали

стихи и даже в шутку боролись. Один парень из Центрального Казахстана, по имени Федор, раз за разом сетовал, что домашние не разрешили ему взять баян. Аман, паренек из Талды-Курганской области, на одной из остановок соорудил ему дудочку из плотного камыша.

— Это сыбызгы. Самый древний казахский инструмент! — гордо заявил даритель. — Смотри, музыкант. Сюда дуешь, сюда пальцами давишь, дырочки закрываешь. А? Гляди, научишься играть, я тебе настоящую сточу, из дерева.

Федор попробовал дунуть, но мелодия получилась не сразу. Так и ехали, хорошо. Через несколько дней пути, в северных областях, к нам в теплушку посадили ещё двоих ребят.

Один — здоровый, как бык. И, к своему ужасу, мы скоро поняли, откуда берется эта сила. Кушал он — мама не горюй — за троих! Свой мешочек с припасами он, как полагается, сразу высыпал на середину, всех угостил. Но когда раздавали еду по вагонам, миска здоровяка всегда оставалась пуста, потому что он съедал свою кашу одним махом. Стали с ним делиться. Он улыбался, чесал затылок и сметал всё. Таким образом, мы добровольно обрекли себя на дань этому батыру, по очереди относили ему излишки. Но это того стоило! Ведь каждому, кто заглядывал в наш вагон, сразу бросался в глаза наш здоровяк. С тех пор его назначили судьей в наших борцовских упражнениях, хотя бы для того, чтобы исключить возможность его участия. Мы прозвали нашего батыра — Бобек, что означает малыш или грудничок, а звали его Ерасыл Камбаров.

Вторым призывником был Михаил Самарин, веселый парень, хотя и с хулиганскими замашками. Впрочем, проявлялись они исключительно мирно, в песнях и задиристых частушках, в рассказах, вроде как из жизни. Однако все свои шутки-прибаутки Миша умел вернуть к месту. Прямо он о себе не рассказывал, кто такой и чем занимается, но из его историй мы заключили, что жизнь его не побаловала. Отца он потерял в малолетстве, в гражданскую, а мать умерла от голода в начале тридцатых. Больше никого у Миши не было на всем свете, и стал он беспризорником, пока не угодил в детдом. Эта перемена лишила его прежних вольностей, а вот призыв на срочную службу, наоборот, он почитал лучшим, что могла подарить ему жизнь. В армии, говорил Миша, он развернется по-крупному и станет генералом управления по снабжению или по военно-финансовой части. Хотя и был он почти безграмотным, а знал такие вещи, о которых иные из нас и не слыхивали.

Начало светать. Я не мог понять, что беспокоит меня, что заставляет сердце биться со скоростью станкового пулемета. Усевшись, я вытер потное лицо и голову, попытался восстановить увиденное во сне, но не нашел ничего такого, что могло бы привести меня в это очумелое состояние.

Разве что лицо Миши.

На место прохождения службы в рядах Красной армии, на западную границу нашей страны, мы прибыли в конце октября. Двумя месяцами раньше оттуда ушли немцы и оставили нам изрешеченную снарядами и пулями, полную хлама и строительных завалов крепость. Нам предстояло много работы по восстановлению и обустройству крепости.

На Южном острове был оборудован армейский госпиталь. Там мы прошли медкомиссию, после чего нас распределили по взводам. Фёдора и его нового друга Амана взяли в музыкальный, Десятиклассника и Бобека — в пулеметный, аксакалы попали сначала в штаб, а потом и в полковую школу младшего состава, а остальное большинство рассеялись по стрелковым взводам. Мишу Самарина распределили на конюшню артиллерийского дивизиона нашего полка. В полевых батареях с моторизированной тягой было

туго. Хорошо, если удавалось заполучить трактор, а так в артдивизионах служили тягловые лошади.

Спустя некоторое время мы приняли Присягу, и крепость стала нашим домом. Красная армия стала для нас школой, командиры стали отцами и старшими братьями, а полк – семьей.

* * *

Раннее утро, едва-едва светало, и караульные летнего лагеря потягивались и позевывали. Дежурные по ротам уже начали обходить посты, заполнять свои журналы. Сигнал к подъему еще не прозвучал. Очерк о занятиях я записал в блокнот и теперь, наскоро собравшись, двинул в редакцию.

Выпустили меня из лагеря без лишних вопросов – в кармане имелся пропуск, подписанный командиром. Теперь предстояло пройти около семи километров до крепости. А чего бы и не пройти! Утро выдалось росистое, пахучее. В нос били запахи тополей, зелени, жирной, плодovитой земли.

Возле северного форта я свернул на дорогу, шедшую параллельно Бугу. Миновал Кобринское укрепление и через Брестские ворота попал на Центральный остров. Я повернул направо и направился к казармам нашего полка, расположенным в западной части Цитадели. Здесь уже все пробудились. Большая часть нашего полка оставалась в крепости, артиллеристы готовились к смотру техники, стрелковым ротам в полном составе тоже предстояла проверка. В моих планах было зайти в нашу казарму, показать очерк ребятам из редколлегии, политруку, потом набрать на машинке и отнести в редакцию дивизионной газеты. Васильев велел вернуться в летний лагерь к ужину, так что у меня в распоряжении была половина дня. В последнее время ходил упорный слух, будто всем имеющим образование, среднее, неполное высшее – собираются присвоить звание старших сержантов. Мы уже отслужили полтора года и ждали с придыханием демобилизации, чтобы вернуться домой, к семьям. Те из нас, кто желал продолжить службу в Красной армии, такие как Байсеитов, получили сержантов уже давно, многие уже учились в школах начсостава. Остальные, и я в их числе, отнекивались как могли, потому что сержанты должны были служить три года вместо двух. Я решил повидаться с ребятами из нашего эшелона, узнать, что земляки на это думают.

На плацу толпились бойцы. Неподалеку от этого сборища величественно восседал Камбаров. Я помахал ему рукой, он ответил тем же. Но чтобы дойти до него, мне предстояло миновать группу бойцов, которые выстроились вкруговую и слушали кого-то, стоящего в центре. Подойдя поближе, я узнал говорившего – это был наш Десятиклассник, а бойцы, слушавшие его с большим вниманием и почтением, как я понял из разговора – новоприбывшие.

– ... у нас так заведено, всё отдаем Бобеку. Мы его специально откармливаем, чтобы показывать на инспекциях и смотрах. Сами мы недоедаем, но чего не сделаешь ради брата?

– Уай-хо, кахрамон!¹ – цокал довольно взрослый узбек с проседью в волосах.

Он восхищенно глядел на Камбарова. Наш батыр разговора не слышал, он любовно оглаживал пилотку и щурил глаза от солнца.

– Так что, братцы, вы уж не подведите. Сегодня я отдал половину завтрака нашему Бобеку, и то, глядите сами – он недоволен, – продолжал Витя.

Все повернули головы, и как раз в этот момент Камбаров сложил руки на могучую грудь и нахмурился. Если бы я не знал добродушного характера на-

¹ Богатырь (узб.).

шего Бобека, то подумал бы, что они сговорились с Десятиклассником, чтобы подшутить над бойцами.

– Что я говорю? Раньше мы по двое отдавали ему часть еды, а теперь вот, я один. Для него кусочек маслица, краюха хлебушка, пара яичек да сахарок – тьфу! Только раздражить.

– Слушайте, товарищи! Да ведь это форменный беспредел! Почему мы должны отдавать свою еду этому... ну, то есть... кому бы то ни было? – спросил какой-то наивный паренек, видимо, комсомолец.

Да, он не знал нашего шутника Витю.

– Э-э... Да ты, товарищ, я смотрю, возомнил себя самым умным, а? – Я знал: если Витька задумал потеху, то непременно доведет её до конца, и заслушался в предвкушении. А он состроил такую жалкую мину, что больно было смотреть, и продолжил: – Ты думаешь, мы не пробовали? Думаешь, мы по своей воле отдаем этому извергу нашу еду? Или ты думаешь, мы живем по принципу: больше спишь, меньше гресишь, и потому у нас не разыгрывается аппетит? Эх ты, товарищ...

– Но, послушайте, ребята... товарищ Нестеров, да разве так можно? Разве нет на него управы? Я понимаю, что он силен... Это же очевидно. Но разве можно такое допускать? Нужно пожаловаться товарищу сержанту... Взводному политруку, наконец!

– Вон ты как, товарищ, заговорил! Политруку! – Витя сидел с видом обреченного, но тут, будто нервы его не выдержали, и он едва не заплакал: – Политруку! Да мы как-то жаловались самому капитану!

– И что... Что капитан-то? – уже с некоторой тревогой спросил комсомолец.

– А что капитан? Вот скажи мне, что может капитан против генерала, а?

– Погодите... Но при чем здесь генерал? Какой генерал?

– А такой! В тот день, когда мы пошли жаловаться на бездонный желудок Камбарова, всё как на духу доложили капитану, хотели даже бумажку писать для комиссара, но только капитан нас отговорил. Сам, мол, разберется. Эх-х, разобрался! Так вот, в тот день проходил у нас в дивизии инспекторский смотр. Сам комкор Чуйков приезжал. Отстрелялись мы, отбегались, а к вечеру назначен строевой смотр. И что ты думаешь? Генерал заметил нашего Камбарова. Погляди сам – такого трудно не заметить. Так вот, генерал объявил благодарность командиру взвода перед строем. Мол, таких богатырей выращивает, молодец! Правда, сказал, чтобы в разведку его не посылали – больно удобная мишень.

Ребята нервно хохотнули, снова поглядев на Камбарова, который миролюбиво чертил что-то на земле носком сапога.

– Уай-хо!.. Сам жандарал!.. – мечтательно произнес дядька-узбек.

– Вот и подумай, товарищ, что после этого мог сделать наш капитан.

– А что?

– Что-что, нам же по шапкам и надавал, вот что!

Комсомолец, казалось, наконец, понял, что ни с Витей, ни тем более с Камбаровым шутить нельзя, и смирился с участью кормильца.

Так потешался Витька, впрочем, сохраняя серьезную мину. Я подошел к нему, церемонно поздоровался, а Камбарову и вовсе поклонился, сжал его руку двумя своими, изобразил на лице смиренное почтение. Добряк поклонился в ответ, как будто так и надо было. Он, вероятно, подумал, что это я так соскучился, и не сообразил, какой концерт перед этим дал Витька.

С Десятиклассником-Витей и Бобеком-Ерасылом договорились встретиться после обеда, когда по распорядку выдаться полчаса отдыха, попро-

сил их позвать и других из нашего эшелона, ведь присвоение звания сержанта касалось всех, а пока им надо было идти на занятия, а мне – в редакцию.

Материал мой был принят на «ура», правда, политрук сделал кое-какие правки, внес предложения. Ребята из редколлегии материал похвалили, и все дружно убеждали меня, что вскоре я стану настоящим военкором, опубликуюсь в дивизионной газете и вообще стану гордостью всего полка. Пришлось краснеть, отмахиваться, отшучиваться. Но, честно говоря, это мне очень льстило, ведь если мне предложат сделаться корреспондентом дивизионной газеты, то одним нашим полком не отделаешься, придется разъезжать по частям, собирать материалы, присутствовать на разных мероприятиях. Может, даже коня выдадут!

Но это я размечтался. Мысли о демобилизации всё равно не давали покоя. Домой хотелось, к жене, к детям, доучиваться, наконец... Но и здесь такая перспектива! Может, плюнуть, получить сержанта, и дальше, в школу начсостава, в дивизионную партшколу, стать военным корреспондентом – это ведь такой колоссальный опыт! Заживем! А там, глядишь, и мои стихи напечатают, хотя бы под псевдонимом... Эх, хорошо было бы... Может, дадут отпуск, съезжу домой, а потом, тихо-тихо, перевезу семью на место службы? Ох, как заманчиво! Дали бы только отпуск, да подольше!

Как же хотелось домой, в Алма-Ату, откуда хоть каждые выходные можно ездить в родной аул, навещать родителей, пить кумыс, отдыхать, детей растить... Сел писать письмо домой, но потом раздумал. Напечатают в дивизионке – тогда напишу.

Мои тоскливые мысли прервал политрук. Пригласил послушать радиобращение советского правительства из Москвы, а потом выступить на занятиях по политпросвещению. Но я попросил дать мне свободное время, чтобы погулять по цитадели.

– Филонишь, Нургалиев. А впрочем, шут с тобой! Вам там в летних лагерях тоже несладко. Иди уж, с глаз долой! – разрешил он.

Я испарился. Политрук был младшим лейтенантом, а воля командира, тем более такая великодушная, ох как переменчива. Убежал туда, где меньше всего мог быть обнаружен кем-либо из начсостава. Сначала прогулялся к нашим пустующим казармам с четкими линиями одинаково заправленных двухъярусных коек. Мне надо было взять из своей тумбочки чистый платок, еще один блокнот и карандашей. Васильев велел писать очерки и о других наших учениях, о летнем лагере, обо всём подряд. И это радовало. Хотя и бегать, маршировать, передвигаться по пересеченной местности приходилось еще больше, так как я должен был всегда находиться на острие событий, но всё же от строительных работ я был фактически освобожден.

Вышел из нашей казармы, улыбнулся солнцу: служебная жизнь текла своим чередом. Мимо пробежал командирский посыльный, какие-то ребята из связистов с мотками проводов и громоздкими сумками обсуждали задание. Возле северо-западной части кольцевой казармы, окружавшей цитадель, строился музыкантский взвод, собирались репетировать. Я решил попозже пройти мимо, послушать, а заодно поглядеть на наших ребят – Аман, друг баяниста Феде, оказался не самым талантливым музыкантом, но как он пел! В нашем полку он стал знаменитостью. Его завлекали, упрашивали, лишь бы он остался служить, но, как и многих из нас, тоска по дому заедала его, и он не хотел оставаться на третий год.

Я оправил гимнастерку, кожаную сумку на ремешке и лихо зашагал, как будто у меня были срочные дела. Мой вид не должен был внушать любопытным, будто я бездельничаю. Прогулялся я до полкового клуба в бывшей

церкви. Вспомнил, как мы же её и переделывали, латали после немцев. Восхищались арками заостренных окон, из которых были выбиты стекла. Страшно тогда было, неприятно. Чувствовалось дыхание войны, мерещился запах крови. А может, и не мерещился. Говорили, что в церкви были бои, и многих защищавшихся поляков там положили. Теперь некоторые из бывших владельцев и защитников крепости служат в рядах Красной армии – в дивизии один полк почти сплошь состоит из поляков. Я с ними мало водился, но вот Миша Самарин дружил со многими...

И снова мысли мои притянул к себе Миша. Станный это был парень...

Мое отношение к нему постоянно менялось. Мне казалось, что есть в нем какая-то хитреца. Казалось – потому что никто не разделял моих суждений. Миша был, как говорится, рубахой-парнем. Не знаю, может, я завидовал его легкости, способности заводить знакомства или даже дружбу – из ничего. Он знал много разных анекдотов, баек и небылиц, и многие из них высокопарно начинал со слов: «а вот такой случай приключился со мной в таком-то году...» Но, впрочем, откровенных преувеличений в его историях не было, а иногда он легко завершал рассказ словами: «Ну что? Поверили? Ну простак, ей-богу!»

Я опять вспомнил, как мы ехали. Вспомнил, как его полюбил весь наш вагон, не то от общего духа товарищества и доброжелательности, не то от открытости и общительности Миши, от его грустных историй из жизни. Вспомнил, что его вещевой мешок был туго набит всяким разным, и он охотно раздавал его содержимое всем подряд. Мне тогда казалось, что так он хочет купить дружбу ребят, и я как-то сразу решил держаться от него подальше, хотя открытой враждебности никогда не проявлял.

Я присел возле клуба.

* * *

Как-то в середине лета личный состав выстроили на плацу, и полковой комиссар зачитал приказ Наркома Оборона об уголовной ответственности за дезертирство и самовольные отлучки.

Конечно, все знали о том, как жестко могут наказать за подобное, но после этого внушения от комиссара и начальника отдела политической пропаганды стало совсем не до шуток. Я не знал таких бойцов, которые хотели бы сбежать из части, но, тем не менее, опоздавших, задержавшихся в отпуске или увольнительной, в городе или в одной из ближайших деревушек – хватало.

Так вот наш Миша, после зачисления в гарнизон, очень быстро освоился на службе. Он прослыл настоящим спекулянтом, или дельцом, как он сам себя называл при солдатах, завел самые разнообразные знакомства в городе и в деревнях округа, и поговаривали, что через бывших польских солдат, которые служили теперь в гарнизоне, имел связи даже за Бугом. Он умел добывать сено и фураж так ловко, что его непосредственный командир и политрук закрывали глаза на многие его мелкие проделки. Миша-делец мог добыть почти всё. Нужна махорка – это к Мише, нужны консервы – к нему, чай, сахар, спирт, австрийские зажигалки, наручные часы... Ходила молва, что даже командиры обращались к Мише, когда требовалось достать что-нибудь необычное вроде фруктов или вина, чтобы удивить своих жен или дам. Ведь к лету старшие командиры получили квартиры в городе, а в крепости были уже обустроены дома для младшего состава вдоль северной стены, ладные, двухэтажные, с участками для будущих садилов и огородиков. Мы, призывники прошлого года, принимали самое деятельное участие в строительстве этих домиков.

И всё же, несмотря на такую мутную репутацию, в нашем полку Мишу любили и уважали. Он никогда не отлынивал от работы, посещал политзанятия и даже читки газетных вырезок и литературы в свободное время. На таких собраниях мы встречались часто – я был редактором и чтецом стенной газеты нашей роты, помогал с выпуском боевых листков, где описывались успехи нашей части и критиковали самых халатных бойцов.

Хотя в активисты или в комсомол Миша не рвался – наверное, его сдерживали какие-то пятна из прошлого на его биографии, – но, тем не менее, всегда был где-то рядом. А уж как он умело изъяснялся на разных языках! С белорусами говорил по-белорусски, с украинцами – на украинском, разговаривал без запинки и с поляками, и под нас, казахов, подделывался – то каким-то отдельным словом козырнет, а то и ругнется по-нашему.

Как-то один агитатор из президиума нашей комсомольской организации то ли в шутку, то ли всерьез спросил Мишу:

– Ты почему в комсомол не вступаешь? Двадцать копеек жалко? – имея в виду взносы.

– Отчего же, – ответил Миша, – двухгривенный я вам хоть сейчас дам. Да только вы ведь сами не возьмете. Проголосуете «против», и иди, доучивайся. Я ведь неграмотный.

Это было правдой. Точнее можно было сказать, что Миша был полуграмотный, потому что его каракули над цифрами, которые он записывал на всяческих бумажках при обделывании своих спекуляций, знали все. Половина гарнизона ходила у него в должниках.

Однажды я зачитывал материал нашего группкомсорга, который написал о боевом пути нашей Орловской Краснознаменной дивизии, а должна была состояться беседа с личным составом. Бойцов сначала было не так много, опоздавшие заходили и присаживались на стулья, выстроенные вдоль стен. Зашел и Миша. Материал был сильный, я видел, как загорались глаза бойцов, когда речь шла о прибалтийских походах и боевых действиях против белогвардейцев, как сжимались у них кулаки, когда говорилось о неудачной, тяжелой Варшавской операции в 1920-м году. Увидев интерес среди собравшихся красноармейцев, я решил немного добавить от себя и рассказать несколько случаев, которые мы разбирали на политзанятиях раньше. Это были истории о том, как красноармейский штык решал самые отчаянные боевые задачи: как рассеивались в панике войска белого Северного корпуса в гражданскую, как массово сдавались в плен японские солдаты под натиском советских частей у Халхин-Гола в недавнем конфликте с империалистами.

Видимо, говорил я воодушевленно, потому что после беседы солдаты стали подходить ко мне, задавали вопросы, хлопали по плечу и благодарили. Неожиданно ко мне пристал и Миша.

– Как здорово ты читал, Мукаш! Ну настоящий акын! Молодец, ей-богу!

– А, ну тебя! – отмахнулся я, потому что Миша говорил довольно громко.

– Нет, ты погоди, Мукаш. Я хоть и неграмотный, но не глухой и не слепой. Говоришь ты складно. То, что ты прочитал – конечно, хорошо, но как ты потом говорил, как разъяснял! Ей-богу, хоть сейчас в штыковую бросился бы!

– Ты, Мишка, бросился бы, да в штыковую, да в рукопашную, если бы увидел за спиной врага такой по-олный склад с тушенкой или маслом. Всех бы победил! – тут же послышалась насмешка Байсеитова, и я был даже рад, что направлена она не на меня, а на Мишу.

– Ха-ха! Да окажись передо мной такой жирный склад, я бы всеми силами Мишке пособил. Не пожалел бы патронов! – поддержал шутку Витька Нестеров.

– Уай, патрон не жалка за тушенка, – добавил Камбаров, который всегда поддерживал своего друга Витьку, и добавил, как будто Миша уже привез трофеи из мнимого склада с тушенкой: – Маладес, Мишка!

Смеялись все вместе, никто не обижался. Хохотал со всеми и Миша, на которого сначала и нацелили шуточные снаряды.

– Вот и Мукаш говорил: штык, конечно, хорошо, бьет врага хоть в Европе, хоть в Азии. Но ежели перед этим поработает добрый «Максим», ей-богу, до рукопашной дело вряд ли дойдет. Одно удобрение с поля собирать придется, – похвалил Миша пулеметчиков в ответ.

Мы вышли из казармы. Миша снова стал центром внимания, раздавая папироски из красивого блестящего портсигара. Я поглядел на него и почувствовал острую неприязнь и даже стыд за своих земляков, которые стали разглядывать эту блестяшку. Мне стало не по себе от того, что разговор так быстро перешел от подвигов Красной пехоты к бытовым, хозяйственным, каким-то шкурным вопросам. И я винил в этом Мишу. А он, полностью опустошив портсигар, снова подошел ко мне и заговорил по-доброму, по-братски:

– Помнишь, Мукаш, как брал из библиотеки книжки и читал вслух перед отбоем. Я слушал тебя с таким интересом, можно сказать, вздохнул, а потом мне снились эти истории из книг. Дивно, думал: вроде стопка бумаги – а какие истории! Думал даже, что ты обманываешь, сам придумываешь, а делаешь вид, будто читаешь. Вот как.

Чего он ко мне пристал – вот всё, что я тогда думал о Мише. Но, не скрою, те воспоминания успели стать милыми сердцу, хотя первую зиму нашего пребывания в гарнизоне нельзя было назвать приятной. Мы разгребали руины, оставленные немцами, спали в палатках, жили в непролазном строительном мусоре и вообще работали по двенадцать-тринадцать часов ежедневно. Но, и то правда, была тогда библиотека в крепости, да какая! Теперь же, чтобы получить книжку, нужно было ждать увольнительной и топать в город!

– Вот и сегодня я вспомнил те ночи, когда ты читал нам. Ух и здорово было! У тебя талант, не иначе. И сегодня ты хорошо говорил, Мукаш, честно, с огоньком! Ну я и подумал, что ведь их до тебя читали. Сколько людей узнали те истории из этих книжек! – мысль его уходила в какие-то дебри, но мне приходилось слушать, так как остальные ребята стояли в сторонке. – Сегодня ты рассказал про штыковые атаки, и человек двадцать слушали тебя. А если бы ты написал об этом в книжке? Или хотя бы в «Правду» или «Комсомолку», а? Столько ребят бы прочитали – вся рота! И всех бы порадовали эти истории про штыковые атаки...

Из всего сказанного Мишей я решил услышать только наивность его рассуждений. Его понимание тиражируемости всесоюзных газет аж на всю нашу роту, про легкость написания и издания книг на материале одной беседы... Ну, дурак, и только!

Мое раздражение достигло того уровня, когда взыграла какая-то нелепая гордыня. Мне, комсомольцу, стало противно стоять рядом с этим спекулянтом, и вообще, человеком с мутной репутацией, с несветским образом мышления, что ли...

– Ерунду ты городишь. Отстань, будь добр! – и я ушел в казарму.

А на следующей неделе, может, волею случая, а может, по желанию Всевышнего, Миша дезертировал. На самом деле он и еще трое поляков из соседнего полка гарнизона ушли из крепости для заготовки сена по заданию командира артдивизиона. Говорили, что Миша, как всегда, взял еще несколько заказов и отправился вместе с помощниками-поляками с двумя повозками в сторону пятого форта. Там, немного южнее, находилась деревенька

Медна, где Миша и намеревался запастись сеном, а где он хотел раздобыть свой дополнительный товар, мне неизвестно.

Но ни Миша, ни поляки с лошадьми не вернулись. В деревне их тоже не видели. Большой был скандал, коль скоро дезертиры проявились сразу после чтения приказа Наркома Оборона. Много этот инцидент создал проблем для командиров артдивизиона и политруков нашего полка. А среди красноармейцев снова поползли слухи. Кто-то говорил, будто Мишка не дезертировал – это поляки его прихлопнули, сняли с него форму и перешли за Буг. Другие клялись, будто видели призрак Миши в лесах, когда ходили рыбачить к тамошних озерам. Я тогда посмеивался, но кто мог знать, что призрак Миши явится и мне?

Ребята, знавшие Мишу, не хотели верить в то, что он предатель или дезертир. Они скорее готовы были поверить в его смерть, и потому придумывали всякие небылицы. «Зачем Мише бежать и куда?» – спрашивали они. «Разве здесь плохо кормили?» – задавались вопросом наивные. «Разве ему плохо служилось?» – думали другие, знавшие о Мишиных делах.

Я как-то отстранился от этих дум и догадок. С одной стороны, с Мишей я дружбу не водил, никаких дел не имел. Но последний наш разговор глубоко запал мне в память, ведь именно Миша, по какой-то случайности, по наитию, разгадал мое заветное желание. Он знал, что я люблю почитать, но разве он мог знать, что я совершаю первые, робкие пробы пера? Я писал стихи на родном языке, и в какой-то момент мне стало казаться, что получается неплохо. Но что с ними делать, кому показывать, кому они нужны? Нет, думал я, это для себя, для души, ну, в случае какого-нибудь творческого подъема можно записать в письмо, отправить родным. Только у нас половина аула – жыршы и акыны. Стоит тамошним ребятам один-два раза послушать какую-нибудь песню, так они уже могут воспроизводить её наизусть, да еще и на домбре себе подыгрывать. Что мои неловкие вирши солдата, вспоминающего родную степь? Таких, наверное, тысячи.

Как-то раз наш Байсеитов помогал новоприбывшим ребятам из неграмотных написать письма домой. Так он каждому, кроме обычного текста о житье-службе, сочинил четверостишие, да так красиво записал, почерком школьной отличницы, что ребята ему еще долго сахар носили!

Моя же цель была иной. До армии я успел получить среднее образование и поступил на первый курс филологического факультета. Я намеревался стать корреспондентом, мечтал ездить по стране, по колхозам и совхозам, писать очерки о труде земляков, разговаривать и записывать беседы с ударниками труда, с аксакалами, со старыми партийцами. А для этого требовалось филигранное знание не только родного языка, но и русского.

Здесь, на службе в гарнизоне, я стал записывать всё подряд – байки, шутки-прибаутки, песенки. Потом я взялся за короткие заметки, очерки о нашей жизни и службе, но по-прежнему я писал только для себя. Слишком стеснялся своих записок, слишком слабыми считал свои журналистские и тем более писательские способности. Я был уверен, что любой опытный редактор только посмеется над моими жалкими потугами. «Остерегись, и ты не будешь унижен», – гласит старая степная поговорка. Вот я и остерегался.

Кто мог знать, что именно Миша станет моим вдохновителем. Сначала он сказал, что мне надо писать, да куда! – в «Правду»! Наивно, конечно, глупо. Но было приятно. Когда его зачислили в дезертиры, это воспоминание пришло мне на ум, и я твердо решил считать его для себя добрым, порядочным человеком. Ведь он был скорее мертв, как говорили, и потому как-то легче было в этих воспоминаниях не воспринимать фактор дезертирства и предательства вовсе. И я стал сильно жалеть, что так плохо к нему отнесся, отмахнулся как

от назойливой мухи. Стыдно было думать о своей нелепой гордыни и о ложном чувстве превосходства.

* * *

Бойцам было запрещено покидать крепость. Поэтому в свободное время мы расположились в тенике, рядом с Тереспольскими воротами. Сначала пришли Витька с Камбаровым, потом музыканты Федя и Аман, потом еще несколько человек из нашего эшелона. Попозже ждали и аксакалов – Витька передал по нашему солдатскому сарафанному радио весть о сходке.

Как это было приятно, как ценно, что мы вместе собирались, как бывалые солдаты, прошедшие немало кровавых кампаний. И хотя самой славной нашей вылазкой были прошлогодние учебные маневры, когда мы добежали аж до Кобрина, в обход главного шоссе, всё равно нам было что вспомнить.

Как водится, сначала стали перешучиваться. Витька рассказал всем историю о том, как ловко он провел бойцов и всех убедил в необходимости подкармливать Камбарова. Тот сидел рядом, на лавочке, и даже так ростом превосходил Витьку.

– Да ну, что они, дураки, что ли? Кто ж по своей воле рационом станет делиться? – не верили ребята.

– Ну, пошутили, посмеялись, да разошлись, – вставил и я, тоже не веря в успех такого розыгрыша, хотя и слышал, как бойцы соглашались с Витькой.

– Обождите, обождите. Обед еще не закончился, – стоял на своем Витька.

И каково было наше удивление, когда тот самый дядька-узбек, который утром так восхищался статью нашего Камбарова, подошел к нам с каким-то кульком в руках. Нас он неловко поприветствовал, хотя среди нас не было командиров, а Камбарову с церемонным поклоном поднес сверток, где лежало несколько кусочков хлеба с кубиками масла и разрезанный пополам огурец с соляной пенкой.

– Вот, возьми, Камбар-ака, от наших ребят.

Мы уже готовы были лопнуть со смеха, но до некоторого времени отчаянно сдерживались. Витька глядел на дядьку-узбека, который светился почтением и душевностью, как если бы угощал гостей пловом в своем родном Самарканде, с искренним восхищением.

Камбаров поглядел на дядьку удивленно, но без злобы, видно, еще не успев осознать произошедшее и связать это с шутками Витьки. А узбек воспринял это как угрозу.

– Прости, Камбар-ака, прости. Тута всё, что мог... Завтра больше принесу!

И тут Камбаров принял этот дар, откусил хлеба, заел огурчиком, а остальное вернул дядьке со словами:

– Сіз менен үлкенсіз, ағай. Өтінемін, менімен бірге тамақтаныңызшы¹, – поднялся и уступил дядьке место, а сам сел рядом на корточках.

К кульку он присовокупил горстку конфет, которые достал из кармана. Мы знали, что у Камбарова всегда есть с собой небольшой запас провизии. Может быть, дядька воспринял этот жест как само собой разумеющееся почтение к старшим, а может, попросту испугался, ведь когда Камбаров вставал перед тобой в полный рост и уступал тебе место – не подчиниться казалось опасным даже самым отважным из красноармейцев.

Нам всем пришлось проглотить порыв смеха, но Витька оказался тут как тут.

¹ Вы старше меня, дядя. Прошу, покушайте вместе со мной (каз.).

– Кушайте, агай, кушайте. И ты, братуша, не отставай. Резвый конь не знает сытости, мой дорогой Бобек.

Простодушный Камбаров был вынужден согласиться с мудрыми словами Витьки и скушал вторую половину хлеба, на этот раз с маслом. Вот тут-то мы и не выдержали, захохотали, хорошенько похлопывая Камбарова по плечам и спине. Дядька смотрел на нас с недоумением, а Камбаров наконец понял, что над ним посмеиваются.

– Эх, бауырларым¹, – сказал он, – что могу делать? Өзім тоямын, кезім тоймайды.

Я перевел для ребят:

– Бобек говорит, что сам-то он сыт, а вот глаза никак не насытятся.

Тут ребята, сквозь смех и слезы, стали доставать из карманов шаровар и гимнастерок всё, что там было съестного, и не только. Дядьке закрутили табачку, кто-то сунул ему насыбая, Камбарову дали какого-то печенья. Словом, окружили нашего батыра и дядьку почетом и вниманием. Они и не отказывались.

Познакомились с дядькой, послушали о его житье-бытье в солнечном Самарканде. Звали его Бахрам Аксатарович, но он просил называть его просто – Баха. Конечно, на такое никто не решился, ведь все мы были из Средней Азии, где такое обращение считалось некультурным.

Затосковали по родным местам, взгляды улетели в небесные дали, через красный кирпич стен, через тысячи километров.

– А вы где работали, уважаемый? – спросил Витька на восточный манер.

– В столовой работал. Деток кормил, детский садик.

– Эх, достойный вы человек, уважаемый.

– А ты? Жена дома ждала? Дети сколько?

– Не женат я, отец. Была девушка в Алма-Ате, да в институт поступила.

А я вот – на срочную.

– Хороший девушка ждать будет, – заверил Витьку Бахрам-агай.

Витька почесал затылок, глупо улыбнулся и ничего не ответил. Зато неожиданно подключился Аман.

– Нашему Виктору что? Дождется – хорошо. А не дождется – даже лучше!

Витька покосился на него несколько неприязненно, а тот продолжил как ни в чем не бывало:

– Мы, казахи, молим Бога, чтобы командиру пулеметного взвода понадобилось съездить в город на закуп. Ведь тогда он непременно отправит в военторг нашего Витьку, потому что нет лучшего вьючного осла во всем полку. На него можно погрузить полдюжины ящичков с патронами, что уж говорить о консервах и пиве. А он и рад. Ведь в городе иногда появляется кареглазая красавица...

– А ну заткнись, ты... ты..., да я тебя... ух, я тебе!.. – стал запинаться Витька.

– Вот в этом-то и заключается трудность, товарищи. Ведь он всегда так, наш Виктор. Грозиться – и то не умеет. Он и красавице той так и говорит: да я тебя... вот ты у меня... И всё. А она гадает: что, что «ты меня»? Замуж позовешь? Или поцеловать хочешь? А может, в кино пригласишь? Но дальше дело-то и не заходит.

Посмеяться над Витей, который вечно потешался над молчуном Камбаровым, было делом замечательным. Ведь Витя никогда не давал хорошего повода, будучи сам отменным шутником, а тут...

¹ Братишки (каз.).

– А ну-ка рассказывай, Аман, что там такое? Кто осмелился наложить чары на уста нашего Вити?

– Ой, Аман, братушка, не поверил бы, если бы сам не услышал! Наш сладкоголосый хохмач стал заикаться!

– Так вот слушайте, земели, такой сказ. Каждую субботу, ранним-ранним утром, в город приезжает светловолосая красавица. Глаза у нее, что яхонты, а музыка голосочка такая, что свалит с коня бравого джигита. А сама она дочка председателя сельсовета из деревни...

– Аман, послушай доброго совета! – прервал его Витька. Он весь покраснелся, сжал кулаки и глядел на Амана как разъяренный горный архар. – Ты это брось, а не то!..

Видно, Витька и вправду кинулся бы на Амана, выдавшего его секреты, но мы обступили нашего певца и готовы были стоять насмерть.

– Вот как получается, земели! Не хочет Виктор делиться своим счастьем!

– Не по-товарищески! – тут же осудили.

– Ты это оставь, Витёк! С друзьями надо делить и несчастья, и радости!

– А что, мне в субботу увольнительную дали. Я-то в кино хотел сходить. Но, хочешь, братушка, я письмо твоей красавице передам? А заодно на танцы её свожу, чтоб не скучала?

– А ну говори, где у вас место встречи?

– Не смей! Не имеешь права... Что ж ты за человек-то такой!.. – совсем разъярился Витька и теперь выглядел, как загнанный зверек.

Но тут нам пришлось умерить юмористический накал, поскольку сидевший до того на корточках Камбаров поднялся и расправил плечи. Свет солнца заслонила его могучая спина.

– Не обращай бынимане, Женис-жан¹. Эти, – он обвел нас суровым взглядом, от которого иной слабонервный грохнулся бы в обморок, – эти нишего не знай про любов. Душа – камень.

Так сказал Камбаров и загреб Витьку своей медвежьей хваткой, обнял, как ягненка, и всхлипнул.

Снова все грохнули, захохотали. Даже расстроенный Витька не выдержал этого трогательного момента и захрюкал в объятиях батыра. Потерпевший от его насмешек больше всех добряк Камбаров единственный оказался на его стороне. Вот она – настоящая дружба!

– Эх, Бобек, дорогой! Да я с тобой хоть под танк! – через смех говорил Витька.

– Встретишь девушка в городе, приходи её сюда. Той делать будем, командыр позовем. Ай-а, Бахрам-ага бешпармак делает, – всё успокаивал Витьку Камбаров.

– Ай да Камбаров! Наладил, значит, новые знакомства! Уже и той придумал, и повара нашел!

Пока ребята обсуждали любовные дела, Федя из музыкантского взвода подошел ко мне и между делом спросил:

– Как дела, Мукаш, как там в летнем лагере? Хорошо, небось, на природе...

– Да как тебе сказать, Федя. Хорошо-то оно хорошо. Да только природу мы видим разве что ползком. Вчера вот ночные учения были. Сегодня весь день на строительных работах. Это я сфилонил вот, по газетным делам. А завтра всё. Марш-бросок со стрельбами. На весь день. А то и в поле ночевать будем.

¹ Женис – казахское имя. Переводится как «Победа», по аналогии с именем Виктор. «Жан» – душа моя, ласковое обращения (каз.).

– А мы тут от жары запарились, в казарме. Думали у вас там – рахат!
– Куда там!
– Вчера артиллеристам пополнение привезли. Легкие полевые гаубицы, противотанковые орудия. Все блестят – красотища! – отсмеявшись, ребята завели новый разговор.

– Да с такими никакой враг не страшен. Блеск, сталь, силища!
– И конюшню, говорят, упразднить будут. В начале июня трактора приехали. Так что, говорят, артиллеристы тоже на стрельбы выедут – в поля. На тракторной тяге всё одно сподручнее.

– А командиры-то как? Вестовые? Без коней? – искренне расстроился один казах, бывший студент зооветеринарного института в Алма-Ате.

– А как? На автомашинах теперь. Обновляется наша армия, товарищи. Лучшее вооружение поступает.

– Даст Аллах, даст Аллах, – закивал Бахрам-агай.

– Эх, расстроился бы наш Мишка! Он лошадок любил, хорошо ухаживал, – сказал Аман.

Снова Миша. Снова его имя всплыло в разговоре, как будто перст судьбы. Я даже непроизвольно вздрогнул.

– А что за парнишка был, а? С ним не пропадешь. А теперь вот без табачка ходим, папиросы стреляем. Мишка-то нам по-братски всегда отсыпал.

– Верно говоришь! И Бобек никогда голодным не ходил, – добавил Витька.

– Жалко парня. Все ж таки сирота, беспризорник. А тут, в армии, была ему и семья, и братья, и при деле был.

– Почему жалко-то? Если дезертировал, значит, где-то пожирнее местечко нашел. Туда ему и дорога, – выразил я свою позицию.

– Эх, что ты говоришь, Мукаш. Какой там дезертировал. Хлопнули его поляки эти да закопали в лесу. Тут в крепости любой тебе скажет: не мог Мишка дезертиром стать, – ответил Аман.

– А зачем хлопнули-то? Не понимаю.

– Так ведь по делу Мишку отправили. Сено запасли, какой-то ширпотреб накупили-наменяли. Обрато грузеные шли. Вот они его и хлопнули, а добро присвоили, – ответил Аман, как если бы сам присутствовал при том.

Я огляделся и понял, что остальные ребята держатся того же мнения. Мишку и правда любили, коль скоро даже память о нем оберегали. Получалось, что один я как-то неприязненно к нему относился, к его деятельности. Так что я замолчал, а Камбаров неожиданно добавил:

– Закопали могилка, собакин дети, и убежали. А Мишка-аруах теперь в лесу гулят. Покой нет. Земля хорошая, а не своя. Мишка же из Кустанай, менің землям ғой¹. Там хоронить надо.

На этот раз никто и не думал посмеяться над изжитыми представлениями Камбарова. Наоборот, ребята кивали, хмурили брови, злились на поляков, которых винили в гибели Миши. На меня не смотрели, видно, из непонимания, неодобрения. И я понял, насколько выглядел нелепо, насколько мои слова были неприятны ребятам. Ведь Мишка был одним из нас, из нашего эшелона. Он никогда не забывал об этом, общался с ребятами, не терял связи, угощал их, искал дружбы. И ко мне он относился честно, открыто, как младший брат. А я зачем-то отталкивал его. Потому что он делал не так, как все, потому что жил по каким-то своим законам, беспризорным, чуждым для меня. Но ведь

¹ Ведь мой земля (каз.).

общих законов он никогда не нарушал, старался быть полезным, старался учиться и просвещаться, хотел выбиться в люди. Жить хотел.

– Вы правы, ребята. Не знаю от чего... Я как-то нехорошо к Мише относился, хотя он ничего плохого мне не делал. Да и никому не делал... Я перед ним виноват...

– Знаешь, Мукаш, раз ты чувствуешь себя виноватым перед ним, я тебе так скажу. Как бы ты к Мишке ни относился, это, конечно, твое дело. Но ты должен был смотреть вокруг, раз не мог разглядеть самого Мишку. Жақсыны жолдастарынан таниды, мұны білесің ғой¹.

– Дұрыс айтасың², Аман. Твоя правда. Вы были ему товарищами, а значит, он был хорошим человеком. Я это теперь только понимаю, – ответил я.

И Камбарову я хотел сказать, что и правда призрак Миши витает где-то в лесах, что не успокоилась его душа, а тревожит, бередит тех, кто его обидел. В другое время я бы от одной подобной мысли хлопнул себя по лбу и рассмеялся. Экие пережитки темной старины! А теперь, в нашей доброй, дружественной обстановке, где каждый мог говорить открыто, честно, пусть даже и ошибаясь, услышать в ответ совет или насмешку, которые иной раз помогали обрести равновесие души и ясность мысли, получить наставление старшего, более опытного в деле человека, ощутить братские объятия, твердость дружеского плеча, – можно было чувствовать себя свободно, как дома.

Но мой душевный порыв прервал солдатик из февральского призыва, тоже прибывший из Алма-Аты.

– Здравия желаю, товарищи красноармейцы! Давайте суюнши! – закричал он молодецким голосом.

– Что такое? – буркнул кто-то.

Обернулись на паренька недовольными лицами. Ишь, прервал рассуждения старослужащих!

– Суюнши, говорю, гоните! – не растерялся бойкий солдат, видно, от того, что приходился нам ровесником или даже был постарше. – Всем вам старшего сержанта дают!

– А чтоб тебя! Не суюнши, а тумакон бы тебе надавал! – воскликнул наш животновод из зооветеринарного и горестно добавил: – Ступай, бессердечный, а не то за плохую весть мы тебя в казане сварим.

– погоди. Откуда узнал? Как это: «старшего сержанта дадут»?

– Уж вас не спросят! Есть приказ – и баста! В понедельник выстроят вас на плацу да объявят. На политзанятия надо ходить, товарищи, а не лясы точить...

Последние слова он бросил на волю ветерка, и они долетели до нас уже издали. Кто-то хотел швырнуть вдогонку пареньку пилотку, заткнутую за пояс, но, видимо, посчитал снаряд слишком легким и был вынужден ограничиться смачным ругательством.

Затихли ненадолго, обдумывали услышанное. В это время подошли и двое наших аксакалов – уже младших лейтенантов. Мы нахлобучили пилотки на головы, отдали честь. Они присели рядом запросто – на корточки – разговаривайте, мол, свободно.

– Уай-хо! Сержанта давай! Командир будете! Маладсы! – прервал тишину Бахрам-агай, видно, еще больше проникшись к нам уважением.

– Ну, какой сержант, какой сержант, Бахрам-агай! Это что получается: не демобилизуемся в октябре? Еще год служить?

¹ Хорошего человека можно разглядеть по товарищам, ты же знаешь (каз.).

² Правильно говоришь (каз.).

– Это если на командирские курсы не отправят.

– Тьфу! Как же так, братушки? У меня матушка пожилая дома. За ней соседка ухаживает. А я – тут? Нет же у нее никого больше. Одни мы...

– Да-а... А мне из университета товарищи написали... Третий курс заканчивают. Столько всего освоили – прорва. Ни в жисть не догону. Эх!

– А ты, Мукаш, что скажешь? Ты ведь ребенка своего и на руках-то толком не подержал. Как там твой?

– Скучают... – ответил. – Жене велел вещи мои распродать, в случае чего. Или в аул ехать, к папе. Одна она, с двумя малышами. Трудно, конечно.

– А чего... Стало быть, остаться придется, еще послужить, – вдруг заявил Витя.

Несогласные попытались улыбнуться, глядя на него. Ведь замысел его был ясен – Аман всё про Витьку рассказал. Видно, и вправду, ему всё одно – в Алма-Ате девушка была, и здесь – дочка председателя сельсовета. Ему, неженатому, проще, конечно. Гуляет еще ветер в голове.

Но тут с Витей согласились и другие ребята.

– Что сказать, земели. Родина нам дает все возможности. Все мы получаем образование, да какое! Лучшее, земели! Вот ты, Мукаш, печатаешься. Говорят, в дивизионку метишь. Хорошо ведь? Армия нам дает и образование, и жизненный опыт. Не говоря уж о военной подготовке, – сказал Аман. – Мне вот в Минск приказали ехать. Выступать. Федя вон какого прогресса добился. Уже не только баян, а и на других инструментах, настоящих, может. После срочной в филармонию засватают.

– Ты прав, ты прав, конечно. Только домой хочется – жуть как!

– Может, отпуск дадут?

– Вряд ли, земели. Сами знаете, какая обстановка сейчас в мире. Фашист пол-Европы под себя нагнул. Самураи безобразничают в Китае. А мы здесь на границе с немцем.

– Тише, Аман. Только вчера политрук ругался, чтобы ни-ни! А не то за распространение ложных слухов можешь даже «губой»¹ не отделаться, – предупредил один из аксакалов по-свойски.

Аман замолчал, соглашаясь. Но взгляд говорил за него. Среди нас были и согласные, и несогласные. Кто-то считал немцев союзниками, кто-то считал, что это поляки разводят панику, третьи не раз видали на заставах при наблюдении за противной стороной провокационные действия у Буга, какое-то копошение, пехоту, артиллерию... Да только вслух об этом старались не говорить. Сказал политрук – учения у немцев. Беспардонные, конечно, сволочи, раз прям у границы тяжелые пушки разворачивают и такие масштабные учения проводят, но, что поделать, обнаглел фашист от побед, бряцает теперь оружием.

– Да что мы всё таимся, братцы. Немец да немец. Али мы этому немцу в зубы не дадим? Это неизбежно, ребята. Столкнемся. И прямо отсюда – до Берлина, если нужда будет, – заявил Витька.

– Помолчи ты, Витёк, не говори о том, чего не знаешь, – теперь уже Аман прервал Витю.

– Я-то, может, и не знаю. А товарищ Сталин – знает. Это ведь не мои слова – его! Он в своей речи так и сказал, что столкновение наших систем – неизбежно, – неожиданно Витька обозначил свою политическую грамотность.

Я закивал, многие поддержали. Хотя, странная была обстановка. Не то немец – союзник, не то – только временный попутчик.

¹ Солдатский термин, гауптвахта.

– Ладно, ребята. Немец уже два года как лютует. Нам до этого пока дела нет. Правильно сказал Витя. Будет приказ – погоним его. А нет приказа, так и нечего паникерство разводить, – взял слово один из аксакалов. – В любом случае, до октября вам служить. Грамотных среди личного состава не так много, а уж с незаконченным высшим – и того меньше. Так что звание вам дадут в любом случае – теперь это ясно. Но, может, позволят сдать экзамен на младшего лейтенанта, и, если сдадите – отпустят.

– Вот это другой разговор!

– Послужим еще, земели, послужим.

Конечно, весть эта не стала неожиданностью. Слухи о внеочередном присвоении звания старшего сержанта и о трехгодичной службе для образованных ходили давно. Расстроились, правда, повздыхали. Кому не хотелось домой, повидаться с родными, рассказать о своей службе, учиться, строить социалистический порядок, жениться, воспитывать детей, жить под мирным небом над головой, осозная на собственном опыте железобетонную крепость советской армии, которая защитит от любого врага.

Витьке, наверное, уже грезилась увольнительная в субботу, встреча с белорусской красавицей из села.

Камбаров мечтательно глядел в сторону столовой, и перед его взором проплывал настоящий пир в крепости, о котором он размышлял для друга. Наверняка этот простодушный парень был бы не против устроить еще один свадебный той для Витьки – дома, уже с другой девицей, после чего зажил бы Витя как стародавний патриарх, с двумя женами.

Федя весь горел желанием служить дальше, ведь потом его направят в филармонию, и он вернется в родной Казахстан, будет играть для людей или учить студентов музыке.

Аман должен был стать большим артистом, певцом. Никто не сомневался, что своим талантом заслужит место среди плеяды звезд нашей страны и будет разъезжать по Союзу с концертами. И мы должны его увидеть снова, на концерте, когда он приедет в Алма-Ату или в родной Талды-Курган.

И другие ребята должны дослужить, а потом вернуться домой, доучиваться, получать квалификацию и работать на благо народа. И я должен освоить специальность военного корреспондента, а потом вернуться домой, поцеловать жену, внюхаться в нежные макушки детей...

– Ладно, земели. У нас сейчас репетиция. Идти надо, – сказал Аман. – Командир сказал, в воскресенье – в Минск.

– Удачи тебе, братушка, удачи! Чай, воскресенье, так что, может, отпрошусь у командира – проводить пойду.

– Я в воскресенье еще в городе буду. Во сколько придешь? Может, у вокзала тебя обождают? – спросил Витя.

– А мы в крепости покуда. Глядишь, в воскресенье тоже в летние лагеря выедем, – говорили аксакалы.

– И я в воскресенье еще навещу вас. После марш-броска опять в редакцию отправят.

– Эх, опять чистка пулемет. Эта «Максим» уже светится, как солнце. А командир всё – чистит-чистит, надоел, товарищ, а? – сказал Камбаров, и мы, дружно посмеявшись, разошлись.

Все ждали воскресенье.

Окончание в № 7, 2024.

